

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 291–297
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 291–297
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-291-297>

Научная статья
УДК 378.4.09(470.41-25)|18/19|:378.014.15|1884|

Университетский устав 1884 г. и организация учебной повседневности в Казанском университете на рубеже XIX–XX веков

Л. А. Бушуева

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Россия, 420111, г. Казань, ул. Батурина, д. 7а

Бушуева Людмила Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра истории и теории национального образования, bushueva9@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4869-3048>, Author ID: 620846

Аннотация. В статье рассмотрено влияние университетского устава 1884 г. на организацию учебной повседневности в Казанском университете в конце XIX – начале XX в. Устав 1884 г. и дополнительные акты к нему требовали от университетских преподавателей согласовывать с Министерством народного просвещения все вопросы, касающиеся учебного процесса, вплоть до распределения аудиторий. Однако сложные бюрократические процедуры согласования вкуче со специфическими условиями существования данного вуза часто приводили к нарушению каждодневного режима занятий. В начале XX в. это привело к возврату некоторых норм организации учебной повседневности периода действия устава 1863 г., хотя устав 1884 г. официально не был отменен.

Ключевые слова: университетский устав 1884 г., Министерство народного просвещения, Казанский университет, учебная повседневность, организация учебного процесса, расписание занятий, учебная нагрузка

Для цитирования: Бушуева Л. А. Университетский устав 1884 г. и организация учебной повседневности в Казанском университете на рубеже XIX–XX веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 291–297. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-291-297>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

University statute of 1884 and the organization of educational daily routine at the Kazan University at the turn of 19th and 20th centuries

L. A. Bushueva

Sh. Marjany Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 7a Baturina St., Kazan 420111, Russia

Ludmila A. Bushueva, bushueva9@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4869-3048>, Author ID: 620846

Abstract. The article considers the influence of the University Statute of 1884 on the organization of everyday learning at Kazan University in the late 19th – early 20th centuries. The Statute of 1884 and additional acts to it required university teachers to coordinate with the Ministry of Public Education all issues related to the educational process, up to the distribution of classrooms. However, complex bureaucratic approval procedures, coupled with the specific conditions for the existence of a given institution of higher education, often led to a violation of the daily routine of classes. At the beginning of the XXth century this led to the return of some norms of the organization of everyday learning during the period of the Statute of 1863, although the charter of 1884 was not officially repealed.

Keywords: University statute of 1884, Ministry of Public Education, Kazan University, educational daily routine, organization of the educational process, time-table of lessons, educational load

For citation: Bushueva L. A. University statute of 1884 and the organization of educational daily routine at the Kazan University at the turn of 19th and 20th centuries. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 291–297 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-291-297>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Исследователи высшего образования Российской империи, как правило, рассматривают университетский устав, введенный в 1884 г., в контексте контрреформ императора Александра III. Они справедливо подчеркивают, что

в связи с введением этого законодательного акта в российских университетах были значительно урезаны права коллегиальных органов управления и расширены полномочия Министерства народного просвещения (далее – МНП) и попе-

чителей учебных округов [1, с. 34–42]. По уставу 1884 г. министр народного просвещения мог самостоятельно назначать университетскую администрацию, а также профессоров и младших преподавателей. Сами представители университетского сообщества, рассуждая о периоде действия устава 1884 г., неоднократно говорили о нем как о времени «правительственной опеки», «губительнейшего проявления бюрократизма», «уничтожения свободы научного преподавания» [2, с. 8–12]. В настоящей работе мы рассмотрим, как введение устава 1884 г. повлияло на организацию учебного процесса в одном из старейших вузов Российской империи – Казанском университете и как «правительственная опека» влияла на каждодневную жизнь преподавателей и студентов в стенах данного учебного заведения.

Кроме упразднения полномочий общеуниверситетских и факультетских советов избирать ректоров и деканов, устав 1884 г. обрушил на преподавательские коллегии массу новых методических предписаний, повлиявших на организацию учебного времени. Во-первых, в сравнении с ранее действующим уставом 1863 г. устав 1884 г. поделит годовые академические курсы на полугодия. Первое (осеннее) полугодие продолжалось с 20 августа по 20 декабря, второе (весеннее) с 15 января по 30 мая [3, стлб. 1004]. Студентам историко-филологических, физико-математических, юридических факультетов полагалось учиться 8 полугодий, медикам – 10. Каждый факультет должен был представить в министерство один или несколько учебных планов, в которых давался перечень «наук, подлежащих изучению студентами и нормальный порядок их изучения» [3, стлб. 1005]. Во-вторых, для штатных профессоров устанавливалась шестичасовая недельная норма преподавания.

Однако основное внимание МНП уделено расписаниям занятий в университетах. В феврале 1885 г. в дополнении к уставу были выпущены «Правила относительно составления и представления обзрений преподавания и распределения лекций и практических занятий» [4, л. 1–5], которые отныне задавали строгий алгоритм их создания. Согласно этому документу каждое полугодие все преподаватели обязаны были предоставлять декану своего факультета сведения о том, какие предметы, в каком объеме и порядке они планируют вести. К 15 октября предоставлялись данные на весеннее полугодие, а к 15 марта – на предстоящее осеннее. На основании этих сведений деканы должны были составить предварительный план занятий. В нем обязательно указывались такие данные о каждом преподавателе, как точное и полное наименование предполагаемых лекционных курсов, общее число лекций в неделю, дни, часы, а также место их проведения (номер аудитории или название помещения). Сведения о практических

занятиях и о «совещательных часах» (консультациях со студентами) прописывались отдельно. В завершение давался перечень тех сочинений и изданий, «которые преподаватель рекомендовал своим слушателям в качестве пособий при слушании ими его курса и для практических занятий» [4, л. 2]. Проект расписания предварительно обсуждался на факультетских и общеуниверситетских советах, после чего отправлялся попечителю учебного округа, а затем министру народного просвещения.

Схожий порядок составления расписания действовал и согласно уставу 1863 г., но теперь министерство устанавливало жесткие сроки для его создания. Расписание на весеннее полугодие нужно было сдать в МНП не позднее 1 ноября, а на предстоящее осеннее полугодие, которое, напомним, начиналось лишь 20 августа, – не позже 1 апреля. Расписание занятий обязательно должно было получить одобрение министра, после чего в него трудно было внести какие-либо изменения. Кроме того, министр народного просвещения И. Д. Делянов в первые годы действия устава 1884 г. тщательно проверял планы преподавания практически каждого университетского преподавателя [4, л. 3].

Проверенные документы министерство возвращало попечителям, а те в свою очередь отправляли их в правления университетов. Правления должны были подготовить к печати расписание лекций и практических занятий для каждого факультета в виде графической таблицы, а также обзрения преподавания и наук по каждому факультету в отдельности. Как предписывали правила составления расписания, «печатание обзрений на каждое предстоящее полугодие должно быть окончено прежде окончания истекающего полугодия, дабы каждый студент мог заблаговременно приобрести экземпляр обзрения преподавания, обсудить и решить выбор для себя курсов на предстоящее полугодие» [4, л. 5]. Готовые печатные экземпляры обзрений по всем факультетам брошюровались вместе. Четыре экземпляра отправлялись в МНП, студенческую инспекцию, остальные предназначались для продажи студентам и всем желающим. «Сводная же на одном листе графическая таблица распределения преподавания выставляется в назначенных для того местах в здании университета» [4, л. 5].

Ректор и деканы должны были строго следить за тем, чтобы факультеты не допускали отступлений от утвержденных обзрений. Любые изменения, кроме перемены в личном составе, болезни и командировки, могли быть допускаемы «лишь в особо уважительных случаях, только по ходатайству факультета и с разрешения попечителя учебного округа» [4, л. 4].

Обзрения преподавания, составленные при непосредственном контроле министерства, призваны были упорядочить и структурировать учебный процесс в университетах, сделать его контро-

лируемым и предсказуемым. Однако эти правила оказалось сложно приспособить к конкретному вузу. Множество местных особенностей мешали эффективно применить предложенный МНП механизм. Так, Казанский университет в начале 1880-х гг. испытывал огромный недостаток в учебных помещениях. В качестве учебной аудитории здесь использовался даже зал профессора совета [5, с. 32]. Поэтому большинство преподавателей, кроме некоторых заведующих специальными кабинетами и музеями, не могли точно указать аудитории, а также определить дни и тем более часы, в которые они будут читать лекции через полгода. Члены историко-филологического факультета жаловались, что «с увеличением личного состава, так и числа лекций, выбрать аудиторию наперед становится совершенно невозможным, так как неизвестно в какие дни и часы будут читать профессора других факультетов. Трудно предвидеть сколько будут слушателей» [4, л. 11]. Затруднялись факультеты подавать сведения и о преподавании предметов по вакантным кафедрам, так как в Казанском университете регулярно происходили изменения в личном составе.

В первые годы действия устава 1884 г. Казанский университет получал от И. Д. Делянова, лично проверявшего поступающие проекты обзрений преподавания, большое количество замечаний. Так, обзрения преподавания на осеннее полугодие 1885/86 учебного года не устраивали министра из-за слишком дробного деления курса русской истории. В них не были указаны номера аудиторий и общее количество часов. Министр обратил внимание и на то, что одни профессоры планировали читать лекций меньше установленной 6-часовой недельной нормы, а другие, напротив, существенно ее превышали [4, л. 208–211]. Математикам и естественникам Казанского университета вменялось следующее: «Число часов практических занятий под руководством профессора должно быть ограничено по указанию министра 4 или 5 часами и только эти часы должны оплачиваться гонораром. Однако из представленных обзрений видно, что профессор барон Розен, А. М. Зайцев, Ф. М. Флавицкий, Н. М. Мельников и М. М. Усов предполагают иметь 6 и более часов практических занятий, отчего число часов, за который должен быть вычитываться гонорар, естественно увеличивается» [6, л. 124]. Между тем министр признавал, что 4–5 лабораторных занятий в неделю, возможно, действительно недостаточно, тем самым поощряя бесплатное проведение практики профессорами.

С введением устава 1884 г. казанские профессоры и преподаватели стали тратить огромное количество времени на переписку с министерством и исправления замечаний в проектах обзрения преподавания. Несмотря на то, что

ректоры Казанского университета данного периода тщательно следили за своевременной подачей документов в министерство и их соответствием учебным планам [6, л. 69], сложная бюрократическая процедура составления расписания в совокупности со строгими предписаниями, касающимися студенческой инспекции, вместо порядка вносили в учебный процесс неразбериху и даже могли остановить его. Приведем один простой пример, который, на наш взгляд, демонстрирует, каким образом это происходило. В 1886 г. совет Казанского университета подготовил обзрения преподавания на осеннее полугодие 1886/87 учебного года и согласовал с МНП в первой половине августа. С 20 августа администрация университета, профессора и преподаватели уже собирались приступить к занятиям, как того требовал устав 1884 г, но тут выяснилось, что к началу учебного года оказалась не готова студенческая инспекция. Дело в том, что из-за позднего выпуска обзрений преподавания студенты не успели до 20 августа выбрать учебные курсы и записаться на них. Следовательно, инспектор не смог вовремя подготовить входные билеты в университет, так как в этих билетах нужно было указать перечень предметов, на которые записаны учащиеся. А без билета студенты не имели права находиться в учебных помещениях университета. Поэтому в тот год инспектор студентов просил ректора Н. А. Кремлева отсрочить начало занятий на 2 недели. Ректору, не желавшему нарушать университетское законодательство, пришлось согласиться. Поэтому 1886/87 учебный год в Казанском университете начался 9 сентября вместо 20 августа [4, л. 93 об.]. И такие задержки начала академического года, а следовательно, и сокращение осеннего семестра, происходили регулярно во многих университетах, о чем свидетельствуют министерские распоряжения 1899 г. [7, стлб. 691] и 1904 г. [8, стлб. 197].

Когда же учебный процесс, наконец, запускался, возникали неизбежные нестыковки в расписании. Выяснялось, что лекции одних преподавателей совпадают со временем проведения заседаний факультета или университетского совета, что личный состав факультетов поменялся или кто-то из профессоров и приват-доцентов получил разрешение на длительную командировку. Однако внести какие-либо изменения в утвержденный порядок, не нарушая законодательства, было возможно лишь через представление в университетский совет с подробным обоснованием и только с разрешения попечителя и министра народного просвещения. Так, на перенесение часов профессора механики И. С. Громеки, совпавших со временем проведения факультетских заседаний, ушло несколько месяцев [4, л. 111].

Многие прошения о перемене расписания вообще не рассматривались «ввиду позднего обращения просителя». Обращаясь с очередной

просьбой о переносе часов, казанские профессора и приват-доценты нередко упоминали положительный «опыт времен устава 1863 г.», когда расписание составлялось и свободно менялось в течение всего сентября. В конце концов в Казани все чаще имели место случаи, когда преподаватели, невзирая на замечания инспекции, не утруждали себя излишними обращениями к чиновникам и самовольно проводили занятия в удобное им время. Как правило, это были медики, устраивавшие занятия вне университетских стен, в городских клиниках [9, л. 104]. В связи с этим в первые годы действия устава 1884 г. университетский инспектор Н. Г. Потапов регулярно жаловался ректору Н. А. Кремлеву на преподавателей медицинского факультета. Однако и ректор, и декан медицинского факультета К. А. Арнштейн, осознавая невозможность соблюдения всех министерских правил, ограничивались лишь вынесением предупреждений в адрес «нарушителей». Эти предупреждения в виде писем от ректора получал факультетский совет. На заседании факультета их зачитывали и «принимали к сведению» [9, л. 104–104 об.]. Позднее профессор К. А. Арнштейн, говоря о периоде своего деканства, отмечал, что устав 1884 г., лишив университетскую коллегия автономных прав, в том числе и на самостоятельную организацию учебного процесса, «понижил уровень университета» [10, л. 94 об.].

К началу 1890-х гг. изнурительная процедура составления и утверждения обзоров преподавания на каждое полугодие начала изживать себя. В 1890 г. МНП разрешило университетам предоставлять их один раз в год перед летними каникулами [11, с. 25], что позволило упростить начало весеннего семестра.

Между тем весенние семестры в Казанском университете на протяжении действия устава 1884 г. сокращались из-за экзаменов. В 1889 г. МНП вернулось к практике проведения обязательных полукурсовых испытаний на всех факультетах после второго и четвертого полугодий [12, с. 622]. При этом сохранялись и итоговые экзамены в государственных комиссиях. Таким образом, в конце весеннего семестра студенты первых и вторых курсов проходили полукурсовые испытания, а в июне те, у кого были засчитаны все полугодия, сдавали итоговые экзамены в государственных комиссиях для того, чтобы получить диплом об окончании университета. По свидетельству профессора Н. Ф. Высоцкого, представлявшего в 1902 г. Казанский университет в комиссии по преобразованию высших учебных заведений, конец весеннего семестра превращался в одну затяжную экзаменационную сессию. «Весеннее полугодие еще короче, – уверял профессор коллег, – на деле начинается 20 января и длится до Страстной недели. После Пасхи студенты больше лекций не посещают из-за подготовки к зачетам и экзаменам» [12, с. 170].

Согласно материалам упомянутой комиссии 1902 г., созданной по инициативе министра народного просвещения Г. Э. Зенгера, в организации учебного времени профессора и преподаватели стремились вернуться к нормам устава 1863 г. Напряженная работа комиссии не принесла результатов, после публикации ее трудов реформа высшей школы остановилась [1, с. 48]. Однако в отношении способов контроля над университетским временем в декабре 1904 г. министерское распоряжение «О принятии мер к правильному течению учебной жизни в высших учебных заведениях» вернуло университеты к практике составления ведомостей о пропущенных лекциях и практических занятиях [8, стлб. 385–388].

Теперь обратимся к вопросу о том, соблюдалась ли 6-часовая недельная норма профессорской нагрузки в Казанском университете. Количество часов в данный период было тесно связано со специальностью того или иного преподавателя. В 1880-е гг. на историко-филологическом факультете Казанского университета, самом малочисленном в этом учебном заведении, 6-часовая норма соблюдалась довольно строго. Семь профессоров из десяти, судя по обзорным преподаваниям, вели именно 6 ч в неделю, за исключением преподавателей классических языков, нагрузка которых составляла 8 ч [14, 15, 16]. В этот период классические языки стали обязательными для всех студентов историко-филологического факультета, невзирая на их специализацию. «Теперь она (классическая филология. – Л. Б.) занимает в историко-филологическом факультете то самое место, которое принадлежит древним языкам в классических гимназиях; она становится средоточием и основанием требований, предъявляемых ко всем без исключения слушателям факультета», – отмечал анонимный обозреватель общественной хроники журнала «Вестник Европы» [17, с. 868]. Этим можно объяснить повышенную нагрузку преподавателей-классиков в сравнении с их коллегами.

Неравномерной оставалась нагрузка преподавателей физико-математического факультета. Профессора химии читали от 10 до 19 ч в неделю. Профессор А. М. Зайцев вел практические занятия по качественному химическому анализу, по органической химии, на медицинском факультете читал лекции по органической химии [14, 15, 16]. Иногда количество часов удавалось сократить за счет совместного чтения курса для двух факультетов, но в стесненных помещениях Казанского университета это далеко не всегда удавалось. Большую нагрузку приходилось нести преподавателям физики, геологии. Физико-математический факультет был самый загруженный в данный период. По тем кафедрам, где были подготовлены приват-доценты, профессора работали в более благоприятных условиях. Так,

профессора А. В. Васильева заменяли его ученики – приват-доценты В. Л. Некрасов, Н. И. Порфирьев, в том числе и во время его научных командировок [18, л. 46 об.].

На медицинском факультете в связи с большей численностью студентов и занятостью преподавателей в клиниках на лекциях и демонстрационных занятиях нагрузка была выше, чем на историко-филологическом факультете. Однако она распределялась более равномерно, чем у математиков и естественников, так как практические занятия здесь в большом объеме вели младшие преподаватели. В среднем медики вели от 6 до 10 часов в неделю [14, 15, 16]. Именно на медицинском факультете Казанского университета сформировался наиболее эффективный механизм подготовки преподавательских кадров, когда способных учеников могли оставить не только профессорскими стипендиатами, но и в качестве прозекторов и прочего младшего персонала. Число младших преподавателей здесь было самым большим. Так, в 1889 г. из 46 приват-доцентов Казанского университета 24 чел. преподавали на медицинском факультете [19, с. 10].

Важно отметить, что в конце XIX – начале XX в. рутинные преподавательские задачи далеко не исчерпывались аудиторными часами. Преподаватели занимались проверкой письменных работ студентов, проводили семинарии, сочетая исследовательскую и педагогическую работу. Штатные профессора привлекались к работе в государственных экзаменационных комиссиях в разных университетских городах Российской империи. В данный период в Казанском университете оставалась высокой административная нагрузка. С ограничением функций университетского совета круг преподавателей, занятых каждодневными административными обязанностями, сузился, но интенсивность их труда возросла. Так, ректорские обязанности включали в себя «непосредственное заведывание всеми частями управления университетом» [11, с. 6]. Большое количество времени отнимали заботы об университетском хозяйстве. Особенно острой в Казани была проблема нехватки учебных помещений. Руководителям университета того времени – профессору Н. А. Кремлеву (ректор в 1885–1890 гг.), профессору К. В. Ворошилову (ректор в 1890–1899 гг.), профессору Д. И. Дубяго (ректор в 1899–1905 гг.) – приходилось добиваться у министерских чиновников финансирования на расширение университетского комплекса. Переустройство помещений Казанского университета стало в конце XIX в. частью масштабного государственного проекта. В Казани развернулось обширное строительство, в результате которого возник новый больничный комплекс, включавший 4 университетских клиники на Арском поле, Бактериологический институт, здание для физиологических лабораторий,

обсерваторию имени В. П. Энгельгардта. Университетские администраторы отдали немало сил и времени на осуществление этих преобразований [20, с. 110]. Как писал приват-доцент П. Заболотнов о декане медицинского факультета профессоре Н. М. Любимове, «в период деканства Николая Матвеевича его деятельность достигла наибольшего напряжения <...>. Этот период совпал с массой построек, что отнимало у него много времени на бесконечные заседания в Правлении и Комиссиях помимо прочих разнообразных обязанностей как декана и профессора» [21, с. 6]. В связи с этим в период действия устава 1884 г. административная служба становилась особым видом карьеры в Казанском университете. Члены корпорации признавали не только заслуги коллег, сделавших научные открытия и ставших основателями научных школ, но и тех, кто посвятил себя административной службе. Так, в представлении к переизбранию по случаю выслуги 25-летнего срока службы профессора А. М. Осипова перечислялись многочисленные должности, на которых он состоял помимо выполнения преподавательских обязанностей. Профессор до конца службы был деканом юридического факультета, исполнял обязанности ректора, работал секретарем Совета, библиотекарем, редактировал Ученые записки и Известия Казанского университета, «тем самым содействуя успешному и правильному ходу университетской жизни» [22, с. 13–14], – подводили итог профессиональной деятельности А. М. Осипова его коллеги.

Однако административная работа нередко рассматривалась университетскими людьми как «терновый венец» [23, с. 10] и противопоставлялась научной и педагогической деятельности. Представления о просвещенческой миссии университетских людей приводили к тому, что научные занятия и педагогические успехи оценивались выше административных заслуг. Примером тому служит оценка работы профессора В. М. Флоринского как ученого и преподавателя, данная его коллегой по университету профессором Н. П. Загоскиным: «Деятельность эта не вполне соответствовала тому, чего можно было бы ожидать от Флоринского, судя по его предшествующим трудам. В Казани он, видимо, был уже не столько профессором – клиницистом, сколько администратором, поглощенным заботами об устройстве Томского университета. Оттого преподавание <...> при нем относительно недалеко ушло вперед по сравнению с тем положением, в каком оно находилось при его предшественниках» [24, с. 358–359].

Временные правила управления университетами, выпущенные 27 августа 1905 г. под давлением массовых студенческих волнений, не отменили устав 1884 г., однако вернули профессорским советам функцию главного

органа, отвечающего за «поддержание правильного хода учебной жизни в университете» [25, с. 659]. После завершения Первой русской революции предпринималось несколько попыток выработать новый университетский устав. Однако ни проект министра народного просвещения А. Н. Шварца, ни проект П. Н. Игнатъева не были реализованы. Вплоть до революции 1917 г. одновременно действовало два устава 1884 г. и Временных правил 1905 г. сохранялось, поэтому в этот период особенностью организации учебного процесса являлось сочетание, с одной стороны, либеральных вех в виде введения по инициативе профессуры на некоторых факультетах российских университетов предметной системы преподавания и, с другой, сохранения практики утверждения расписания и учебных планов МНП [26, с. 97]. Однако эта процедура даже при министре Л. А. Кассо, отличившимся демонстративно консервативной политикой, уже носила формальный характер. В переписке с ректором Казанского университета Г. Ф. Дормидонтовым министерские чиновники признавались, что министерство буквально «захлебывается» от массы присылаемых «бумаг», и что они не в состоянии к началу очередного учебного года «закончить сложную работу по рассмотрению обозрений коих в министерстве скапливается до 60 по разным факультетам всех университетов к началу занятий» [27, л. 56 об.]. К 1917 г. в Казанском университете были возвращены некоторые нормы организации учебного процесса периода действия устава 1863 г. Так, факультетские советы распределяли нагрузку между преподавателями и составляли расписание занятий, а профессорский совет их утверждал уже без тщательного контроля со стороны МНП, характерного для начального периода действия устава 1884 г.

Таким образом, в период действия устава 1884 г. МНП предприняло попытку создать универсальную систему контроля, когда университетские преподаватели лишились возможности управлять и своим временем, и временем своих воспитанников, а министерские чиновники, напротив, становились активными организаторами учебной повседневности. Однако единые министерские директивы, игнорирующие местные особенности высших учебных заведений и не учитывающие мнение преподавательских коллективов, с трудом реализовывались в отдельно взятых университетах. Так, в Казанском университете введенная уставом 1884 г. регламентация составления расписания и обозрений преподавания приводила к регулярным заминкам в учебном процессе. Ради сохранения учебного процесса администрации и преподавателям Казанского университета приходилось игнорировать такие бюрократические нормы, как обязательное согласование с министром изменений

в расписании занятий, номеров аудиторий, замен преподавателей. В начале XX в. наиболее одиозные требования МНП были постепенно упразднены, а Временные правила управления университетами 1905 г., наряду с правом выбора администрации, вернули профессорским советам и факультетам полномочия самостоятельно организовывать учебный процесс.

Список литературы

1. Иванов А. Е. Российские императорские университеты под управлением Министерства народного просвещения (1880-е годы – начало XX века) // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы) / отв. ред. А. Н. Дмитриев. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 28–87.
2. К 150-летней годовщине Московского университета. Извлечения из юбилейных приветствий к дню 12-го января 1905 года. М. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1905. 34 с.
3. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения : в 17 т. Т. 9 : Царствование императора Александра III. 1884 год. СПб. : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1893. 2089 стлб.
4. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 977 (Казанский университет). Оп. Совет. Д. 7430.
5. Императорский Казанский университет. Обозрение преподавания в первом полугодии 1885–1886 учебного года. Казань : Типография Императорского университета, 1885. 38 с.
6. ГА РТ. Ф.977. Оп. Физико-математический факультет. Д. 1036.
7. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения : в 17 т. Т. 14 : 1898–1900. СПб. : Паровая скоропечатня «Восток», 1904. 1946 стлб.
8. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 16, ч. 1 : 1904 г. СПб. : Типография «Север», 1907. 688 стлб.
9. ГА РТ. Ф. 977. Оп. Медицинский факультет. Д. 1813.
10. ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11564 а.
11. Общий устав Императорских Российских Университетов 1884 г. С приложением узаконений, на которые в Уставе делаются ссылки. Саратов : Типография союза печатного дела, 1913. 36 с.
12. *Рождественский С. И.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения : 1802–1902. СПб. : Издание Министерства народного просвещения, 1902. 785 с.
13. Труды Высочайше утвержденной Комиссии по преобразованию высших учебных заведений : в 4 вып. Вып. 1. СПб. : Тип. В. Безобразова и Ко, 1903. 376 с.
14. Императорский Казанский университет. Обозрение преподавания в 1900–1901 учебном году. Казань : Типография Императорского университета, 1901. 45 с.
15. Императорский Казанский университет. Обозрение преподавания в весеннем полугодии 1888–1889 учебного года. Казань : Типография Императорского университета, 1889. 56 с.

16. Императорский Казанский университет. Обзорение преподавания в осеннем полугодии 1888–1889 учебного года. Казань : Типография Императорского университета, 1889. 35 с.
17. Из общественной хроники. 1 октября 1885 г. // Вестник Европы. 1885. Кн. 10. С. 861–873.
18. ГА РТ. Ф. 977. Оп. Физико-математический факультет. Д. 1413.
19. Годичный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1900 года. Казань : Типо-литография Императорского университета, 1900. 265 с.
20. Бушуева Л. А. Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917 гг. Казань : Центр инновационных технологий, 2012. 288 с.
21. Николай Матвеевич Любимов как профессор и ученый. Речь, читанная в торжественном заседании Общества врачей, посвященном памяти покойного 24 февраля 1907 г. Приват-доцента П. Заболотнова. Казань : Типография Императорского университета, 1907. 17 с.
22. Протоколы заседаний Совета Императорского Казанского университета в 1897 году. Казань : Типо-литография Императорского университета, 1898. 331 с.
23. Речь профессора В. И. Разумовского, сказанная над гробом почившего ректора Н. М. Любимова. Казань : Типо-литография И. С. Перова, 1906. 12 с.
24. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904) : в 2 ч. / под ред. Н. П. Загоскина. Казань : Типо-литография Императорского университета, 1904. Ч. 2. 453 с.
25. О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства Народного Просвещения. Именной высочайший указ, данный Сенату. 1905, августа 27 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е : в 33 т. Т. 25. СПб. : Государственная типография, 1908. № 26692. С. 658–659.
26. Грибовский М. В. Профессорско-преподавательский корпус императорских университетов как социально-профессиональная группа российского общества. 1884 – февраль 1917 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2018. 804 с.
27. ГА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 2234.

Поступила в редакцию 22.02.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 12.04.2022

The article was submitted 22.02.2022; approved after reviewing 01.03.2022; accepted for publication 12.04.2022